

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

УДК 330.8

ГОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ И НАЧАЛА НОВОГО КРИЗИСА (2002–2015 гг.)*

Г.И. Ханин

Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Новосибирск, Россия

khaning@yandex.ru

Освещается моя преподавательская и научная деятельность в 2002–2015 гг. Преподавание велось одновременно в двух вузах Новосибирска – в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) и в СИБАГС (теперь Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Наиболее плодотворно проходило преподавание в НГТУ благодаря лучшей подготовке и мотивированности студентов. К сожалению, из-за низкого престижа науки в России мои самые способные студенты не реализовали себя в науке. Преподавательская работа в СИБАГС была менее интересной и удачной из-за плохой подготовки и низкого интереса к предмету у студентов и аспирантов. Новым для меня был курс «Национальная экономика». Работа над этим курсом натолкнула меня на понимание основной особенности экономического развития России как минимум с XVIII века. Это развитие рывками: застой – рывок, снова застой – и новый рывок. Найденное объяснение российского исторического процесса очень стимулировало мои научные исследования.

В научной работе главное место заняла «Экономическая история России в новейшее время». В данной статье уделяется внимание как наиболее трудным проблемам, возникшим при написании первого тома, так и анализу проблем советской экономической системы с начала 1960-х до развала советской системы в начале 1990-х. Очень важное для меня событие этого периода – знакомство и последующая совместная работа с экономистом Дмитрием Александровичем Фоминым. С ним написано много статей, основанных на расчетах, которые также рассматриваются в этой части воспоминаний. На основе в том числе и этих исследований мной был сделан вывод о восстановительном росте экономики России до 2007 г., аналогичном росту при нэпе. Такой рост должен закачиваться стагнацией и падением ВВП при исчерпании имеющихся ресурсов и при отсутствии реальной модернизации и роста человеческого капитала. Легко убедиться, что мой прогноз полностью подтвердился и в части прекращения экономического роста уже в 2008 году, и в части падения мировых цен на нефть в 2015 г.

---

* Предыдущие части воспоминаний см.: Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива. Избранные труды в двух томах. Том 2. – Новосибирск, 2015. – С. 281–349; Ханин Г.И. В первые послекризисные годы (1998–2001 годы) // Идеи и идеалы. – 2016. – № 2, т. 1. – С. 152–166.

Ключевые слова: НГТУ, СИБАГС, «Экономическая история и новейшее время», Д.А. Фомин, оценка стоимости основных фондов, экономический рывок.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.1-147-161

1. Преподавательская деятельность

После примерно полутора лет работы в Институте народного хозяйства из-за разногласий с руководством я начал искать новое место работы. Случилось так, что я одновременно выбрал два вуза (на полставки в каждом): Новосибирский государственный технический университет (НГТУ) и Сибирскую академию государственной службы (СИБАГС). Работа на полставки хотя бы частично освобождала от административной работы, что давало время для занятий наукой.

Заведующие кафедрами экономической теории Г.П. Литвинцева и В.И. Огородников хорошо помнили «Лукавую цифру» и очень тепло меня приняли. Директор СИБАГС Е.А. Бойко был когда-то моим студентом и тоже прекрасно ко мне относился, хотя я и не пользовался этими хорошими отношениями (более тесно стал общаться с ним после его ухода с этой должности).

В обоих вузах первые два года я вел курс макроэкономики, делая упор на российскую действительность. Многие темы оставлял на самостоятельную проработку, предупреждая студентов, что хочу говорить о том, о чем они в учебнике не прочитают. Думаю, что примерно 70 % лекций были именно такими. Преимущественно читал лекции, но в НГТУ в одной группе вел и семинарские занятия.

Наиболее приятными для меня были занятия в НГТУ, одном из двух лучших в Новосибирске вузов (наряду с НГУ). К тому же мне дали первоначально для занятий электротехнический факультет, один из луч-

ших в институте. Большой конкурс позволил отобрать лучших студентов. Они были очень восприимчивыми к новой информации и новым знаниям. Мне важно было с первых занятий показать именно особенности России. На первом семинарском занятии я предложил обсудить первое философическое письмо Чаадаева. На следующем семинаре оказалось, что (к моему удивлению) его прочитали большинство студентов. Письмо оказало на них сильное впечатление, и они горячо обсуждали его весь семинар. Благодаря этому обсуждению у нас быстро обнаружилось взаимопонимание в отношении особенностей России. Студенты внимательно слушали мои лекции, по их ходу и особенно на семинарских занятиях задавали вопросы.

Для лучшего понимания студентами положения в российской экономике я научил их, как рассчитывать альтернативные оценки стоимости основных фондов и рентабельности на примере электроэнергетики. Вскоре они довольно успешно справлялись с этим. Я получал от этих семинаров огромное удовлетворение. Встречаясь с этими студентами через многие годы, я обнаруживал их теплое ко мне отношение. Отмечу важное для понимания положения в российской высшей школе того периода явление. Через три года я встретился с этими студентами на четвертом курсе уже по другому учебному курсу. Их как будто подменили. От прежнего энтузиазма не осталось и следа. Я их спросил: «Ребята, что с вами случилось? Я вас не узнаю». Они согласились со мной, что изменились. Оказалось, что вуз убивал многие лучшие качества молодежи.

Через год Г.П. Литвинцева убедила меня вести новый для НГТУ курс «Национальная экономика». Я обложился книгами по русской истории, прежде всего Ключевского. Помогли замечательные учебники П.И. Лященко по экономической истории России. Начал вырисовываться план и идея курса.

Занятия по национальной экономике требовалось вести с экономистами. Они были послабее энергетиков, но все же достаточно неплохие. Первые занятия, пока не сложилась главная идея курса, шли сложно. Но вскоре я нащупал основную особенность экономического развития России как минимум с XVIII века: развитие рывками: застой – рывок, снова застой – новый рывок. Потом я нашел этому объяснение: влияние традиций крестьянского хозяйства в России, где в связи с климатическими особенностями преобладала крайняя неравномерность сельскохозяйственных работ в течение года, от максимума в период сева и уборки до минимума в зимний период. С этой особенностью психологии русских я связал современные особенности их поведения в виде штурмовщины, в том числе и во время студенческих занятий. К этому объяснению добавились усталость от рывка и опасность гибели государства от экономического отставания при длительном застое. Я иллюстрировал последнее на примере ситуации, порожденной Петром I и Сталиным. После такого объяснения российский экономический процесс обрел смысл. (Я очень гордился этой своей догадкой и долгое время считал ее своим изобретением. Только потом я обнаружил, что эта мысль высказывалась и другими авторами в прошлом и настоящем). Этой идее и вообще всему курсу нужно было найти и ста-

статистическое подтверждение. Здесь по до-революционному периоду мне помогли западные авторы: Фернан Бродель. Ангус Мэдисон, П. Бэйрок. Для советского периода мне хватало своих расчетов. Самым сложным было объяснить отказ от нэпа. Найденное объяснение российского исторического процесса очень стимулировало мои научные исследования, поэтому столь неохотно данное мною согласие на этот курс стало просто даром судьбы, и я весьма благодарен за это Г.П. Литвинцевой.

Студенты воспринимали курс отлично. Правда, быстро выявилось слабое знание ими российской истории. На первом занятии я попросил их назвать русских царей XVII века. Дал им пять минут на размышление. Подавляющее большинство сочло благоразумным отмолчаться. Некоторые назвали Николая I, Александра II, Екатерину II. Потрясенный, я спросил: а как же вы учили историю в школе? Тем не менее мои объяснения историко-экономического развития России воспринимались хорошо.

Особенно важными для меня были занятия по советской экономической истории. Для объяснения теории рывка я использовал гибель нэпа и переход к ускоренной индустриализации. Я подталкивал студентов к мысли о необходимости использовать эту теорию для современной России. Как и на занятиях с энергетиками, я проводил со студентами альтернативные расчеты стоимости основных фондов и рентабельности по электроэнергетике. Опять 4-5 студентов их делали, другие с пониманием воспроизводили. В зале экономической литературы библиотеки, не избалованной посетителями, перед семинарскими занятиями было полно моих студентов. Кто читал Броделя, кто мои книги, кто советские и российские статистические

справочники. Библиотекари не могли радоваться.

Мне кажется, наши занятия проходили достаточно интересно и содержательно. Лишь изредка обнаруживалось, что вся группа не подготовилась. Тогда я им говорил, что они будят во мне зверя. Но уж на следующем занятии всё было в порядке. Хорошо сдавали экзамены. Из всех студентов хорошо запомнил блестящие выступления Булгаковой. У нее были очень хорошие задатки научного работника. Она поступила в магистратуру, но, кажется, дальнейшая ее карьера в НГТУ не сложилась.

Другая запомнившаяся мне студентка – Нина Карманская. Она буквально на лету всё схватывала. Однажды, объясняя альтернативные оценки, я сказал, что было бы неплохо проделать подобные расчеты по Китаю. Прошел месяц, и я решил посвятить целое лекционное занятие заслушиванию курсовых работ по альтернативным оценкам. За 5 минут до начала лекции ко мне подошли два докладчика и сказали, что им надо выступать через час с докладами на научно-технической выставке, и они просят их отпустить. Я с ужасом размышлял, чем заполнить освободившееся время. И тут подходит Нина и протягивает текст курсовой работы по альтернативной оценке рентабельности нефтеперерабатывающей промышленности КНР, которую она написала по собственной инициативе (!). Перелистываю и глазам не верю: пересчет китайской статистики по нефтеперерабатывающей промышленности.

– А Вы сможете выступить с ней сейчас с докладом?

– Смогу.

Пока предыдущий докладчик излагает свой доклад, Карманская пишет формулы и

цифры. Затем очередь доходит до нее. Она последовательно излагает знакомую из моих лекций методологию, данные из китайских статистических справочников, взятые в Интернете, ход расчетов и результаты. Результат сенсационный: официальная китайская статистика предоставляет рентабельность, превышающую ее реальную величину в несколько раз. Студенты слушают Карманскую, затаив дыхание. На несколько вопросов, включая мои, Нина уверенно отвечает. Я обращаюсь к единственному китайскому студенту: «Что Вы можете сказать по поводу доклада?» Он отвечает: «Я восхищен». Я, конечно, высоко отзываюсь о ее докладе. После доклада настойчиво советую ей заняться научной деятельностью. Но у нее другие планы: идти на практическую работу. К сожалению, это не вызывает у меня удивления: слишком низок престиж научной работы в России. Карманская по окончании вуза пошла на работу в банк, но поступила всё же в заочную магистратуру и аспирантуру НГТУ. Магистратуру благополучно закончила, а аспирантуру закончила, так и не защитив диссертации. Две моих лучшие студентки так и не реализовали себя в научной работе. Намного менее способные сумели это сделать

Доклад Н. Карманской впоследствии вдохновил меня и Д. Фомина пересчитать макроэкономическую статистику КНР. Правда, наши расчеты динамики ВВП КНР на основе динамики потребления электроэнергии почти совпали с официальными китайскими. Но, возможно, они были слишком упрощенными.

Мне было очень приятно узнать, что некоторые мои студенты НГТУ создали в Интернете клуб любителей Ханина. Там были выставлены мои любимые выражения и фотографии с занятий.

Менее благополучно шла моя преподавательская работа в СИБАГС. Первый год прошел относительно благополучно, но второй закончился катастрофой. Слушали, правда, неплохо. Во втором семестре нужно писать курсовые работы. Я составляю их примерный перечень, предупреждаю о недопустимости списывания. В середине апреля получаю первые работы. Они неплохи. В конце апреля, накануне майских праздников, получаю сразу кучу работ, с трудом доставляю их домой. Начинаю проверять и прихожу в ужас: практически все списаны. Прихожу в аудиторию, стыжу их, возвращаю работы. Через две недели приносят новые, опять все списаны. До конца сессии меньше месяца. Что делать? Опять вернуть? Напишут такие же. Всем ставлю тройки и говорю: «Видеть вас больше не хочу». Не огорчены.

Иду в деканат и говорю, что не хочу больше вести занятия со студентами. На следующий год дают занятия с аспирантами по альтернативным оценкам. В первый год идут неплохо. Слушают хорошо. С большим трудом, однако, решают задачи по определению рентабельности. Хуже студентов НГТУ. Но экзамены сдают успешно. Во второй год воспринимают хуже, задачу решить не могут, экзамены вообще не сдают (они не проводятся). Больше мне аспирантов не дают.

Делается еще одна попытка организовать мои занятия со студентами. Объявляется спецкурс по альтернативным оценкам. На первое занятие приходят 6 человек, на второе 5, на третье 3, на четвертое не приходит никто. Видя бессмысленность дальнейшего преподавания, заявляю о желании уволиться. Проректор по научной работе Князева уговаривает меня остаться, чтобы сохранить диссертационный со-

вет. Добивается зачета моих исследований по альтернативным оценкам в мою педагогическую нагрузку. По истечении этих двух лет ухожу в административный отпуск, то есть без оплаты. Этот отпуск без оплаты продолжался до 2014 г. После ухода Князевой с должности проректора по науке я твердо решил увольняться, но новый проректор О.В. Симагина предложила: зачем Вам увольняться, оставайтесь научным сотрудником, будете по-прежнему писать статьи, но только за деньги. Я, конечно, согласился.

В 2010 г. мне уже стало тяжело ездить на занятия в НГТУ. Жена давно настаивала на моем увольнении. Я и там взял административный отпуск и продлевал его до начала 2016 г. В начале 2016 г. в связи с проблемами с оплатой труда преподавателей на кафедре я всё же оформил увольнение. На прощание заведующая кафедрой Г.П. Литвинцева сказала много хороших слов о моей работе.

Для характеристики уровня студентов в вузах России, думаю, более характерны студенты СИБАГС, чем НГТУ. Остается добавить, что ни в НГТУ, ни в СИБАГС меня ни разу не включали в государственные экзаменационные комиссии. Как я слышу от моих коллег, с тех пор качество студентов заметно ухудшилось, даже в НГТУ. Если судить по посещению читальных залов библиотек, это так: они теперь везде пусты.

2. Научная работа

2002–2008 гг.

Надо сказать, что в основном я занимался научной работой преимущественно за свой счет. За все это время получил вместе с коллегами два гранта РГНФ на небольшую сумму на три года каждый. Еще три заявки на гранты РГНФ были отвергну-

ты, как и заявка в ФФИ. СИБАГС в течение двух лет включал мои исследования в педагогическую нагрузку. НГТУ за каждый изданный том «Экономический истории России в новейшее время» выплачивал вознаграждение в несколько десятков тысяч рублей.

Все эти годы главное место в моих исследованиях заняло написание «Экономической истории России в новейшее время». О начальном этапе работы над первым томом, относящимся к периоду с конца 1930-х гг. до 1960 г., я уже писал [11]. Он был наиболее трудным и с концептуальной точки зрения, и по сбору материала. На основе материалов первого тома я уже в конце 2000 гг. написал огромную статью «Советское экономическое чудо: миф или реальность?». Ее в нескольких номерах опубликовал журнал «Свободная мысль»¹ (преемник журнала «Коммунист»), с которым у меня возобновились тесные отношения. Эта статья имела большой резонанс, и ее часто цитировали сторонники возрождения социализма в России. Противники этого пути, либеральные экономисты, ее игнорировали.

Хотя первая часть первого тома была наиболее трудной, нелегко шла работа и над последующей частью, посвященной 1961–1987 гг. И здесь загадки возникали на каждом шагу. Мне пришлось заново определять свое отношение ко многим событиям этого периода, поскольку их объяснения в историко-экономической литературе меня не удовлетворяли. Пришлось исчислять многие альтернативные данным Росстата показатели динамики и эффективности советской экономики и отдельных ее отраслей в этот период. Сам не могу объяснить, почему я при этом не опирался на

¹ Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 7–9, 11.

свои более ранние макроэкономические расчеты. Вот уж поистине бес попутал.

Из наиболее трудных проблем, возникших при написании первого тома, упомяну несколько. Прежде всего оценку содержания и последствий начавшейся в 1963 г. рецентрализации. Этот эпизод вообще выпал из внимания современных экономистов. Я оценил его положительно, поскольку под влиянием некоторых польских экономистов начала 1960-х гг. (например, М. Зелинского) давно считал, что частичная рецентрализация только повышает эффективность экономики. Анализ статистических данных по СССР подтвердил это предположение. В 1963–1966 гг. советская экономика развивалась намного эффективнее, чем в предыдущий период той же продолжительности.

Много места в первом томе было отведено анализу косыгинских реформ. Их положительно оценивает большинство коммунистических и либеральных экономистов. Первые видят в них доказательство жизнеспособности реформируемого социализма, вторые – благотворности усиления роли товарно-денежных отношений и децентрализации экономики. Исходя из уже сложившегося отношения к частичным реформам, я показал дезорганизующую роль этих реформ. Этот вывод был подтвержден расчетами динамики и эффективности экономики на основе альтернативных оценок.

В книге подробно и крайне критически рассказывалось о научно-техническом прогрессе в СССР в это время. При этом я опирался на написанную в 1989 г. свою статью на эту тему. Добавил появившиеся с тех пор данные о научно-техническом шпионаже СССР и ряд новых работ о состоянии науки в СССР. Очень критически от-

звался о качестве советской продукции в 1960–1980 гг. Здесь помимо книги О.А. Антонова «Для всех и для себя», вышедшей в 1965 г., я широко использовал ксерокопированную мною в Швеции книгу воспоминаний «Западня» выдающегося советского специалиста по электронике А.П. Федосеева, сбежавшего на Запад в 1971 г., и блестящего французского знатока истории России Алена Безансона с очень тонким анализом состояния советской экономики и общества. Много внимания было уделено теневой экономике и ее роли в разложении советской экономической системы. В то же время я рассматривал ее как начальный этап капитализма, отмечая ее преимущественно разрушительный характер.

При анализе экономики 1970-х гг. я довольно значительное место уделил очень оригинальным идеям академика В.М. Глушкова по модернизации советской экономики, раскопал в связи с этим и его работы, и воспоминания о нем.

Я подробно проанализировал период 1979–1982 гг. и показал, что это был период не просто замедления экономического роста, каким его изображали в СССР и на Западе, а экономического кризиса, пусть и умеренного. Кроме статистических данных я использовал появившиеся уже в 1990-е гг. мемуары Бовина и Черняева. В них показывалось, насколько ощущение экономического кризиса в то время было широко распространено среди советского правящего класса.

Большое внимание было уделено попыткам Андропова, продолженных Черненко и ранним Горбачевым, остановить начавшийся кризис советской экономики путем укрепления дисциплины и повышения ответственности, смены экономических лидеров. Было показано, что, несмо-

тря на войну в Афганистане, огромные военные расходы и западные экономические санкции, это удалось в 1983–1986 гг., что свидетельствовало о сохраняющейся жизнеспособности советской экономики.

Первый том был закончен в удачное время. С 2004 г. НГТУ ежегодно объявлял конкурс на выпуск монографий. На этот конкурс в 2006 г. я и подал свою монографию. Она получила рекомендацию кафедры. Отзывы на нее представили два западных профессора, известные своими трудами по советской экономике: В. Конторович из США и М. Эллман из Нидерландов. Из российских ученых отзыв написал профессор Р. Гусейнов из Новосибирского архитектурно-строительного института (СИБСТРИН), очень высоко ценимый в Новосибирске. На конкурсной комиссии ее член, заведующий кафедрой социологии Владимир Игоревич Игнатъев, подробно рассказал о моей славе как научного работника, начиная с «Лукавой цифры». Одним словом, работа была рекомендована к изданию. Дальше началась ее редакционная подготовка. Здесь я должен отдать дань моего глубочайшего уважения моему редактору Надежде Алексеевне Лукашовой (к сожалению, уже умершей). Она была светлой личностью. Автор ряда художественных произведений, она многие годы работала редактором в когда-то весьма авторитетном Новосибирском книжном издательстве, а после его распада – в ряде других, пока не осела в издательстве НГТУ. Надежда Алексеевна была очень приветливой и культурной женщиной, с твердым характером. Она знала меня по «Лукавой цифре» и с самого начала выразила свою симпатию ко мне. И книга по содержанию ей очень понравилась. Но как редактор она была кремень, и никакие личные симпатии на нее не влия-

ли. Тем более что я довольно небрежно отнесся к редактированию текста, за что мне регулярно попадало от Надежды Алексеевны. Она очень внимательно читала текст, вдумчиво оценивала каждое предложение, стремилась сделать его как можно более понятным читателям. Работа над текстом потребовала много времени и от меня, и от нее. Она очень много сделала для того, чтобы книга стала лучше.

Наконец, весной 2008 г. книга вышла, и я был безмерно счастлив. Зная вышедшую и в России, и на Западе литературу об этом периоде, я и сейчас убежден, что по масштабу и оригинальности трактовки ряда проблем она не имеет себе равных. Но в силу того, что она вышла в провинциальном издательстве и не поступала в розничную сеть (как и другие книги российских вузов), она осталась почти незамеченной и в России, и на Западе. Я знаю только одну рецензию на нее, написанную вскоре после ее выхода Майклом Элманом. Не обнаружил я и ссылок на нее в российской и западной литературе. Это меня очень огорчает. Конечно, я не проявил даже минимальной предприимчивости, книгу следовало разослать знакомым и известным экономистам. Возможно, кто-то и откликнулся бы. А я послал только своим рецензентам.

Перейду к другим моим наиболее заметным публикациям данного периода. Но прежде я должен отметить очень важное событие в моей научной жизни. Еще в 2002 г. мне позвонил научный сотрудник СО РАСХН Дмитрий Александрович Фомин. Он сказал, что читал мои произведения, они на него произвели сильное впечатление, и поэтому он просит меня оценить его докторскую диссертацию. Я согласился, и мы встретились у меня дома. Он

оставил свою работу об агропромышленной интеграции, и когда я с ней познакомился, то понял, что это оригинальное и талантливое произведение. При следующей встрече я ему об этом сказал. Он рассказал достаточно банальную историю о том, что она встретила враждебное отношение со стороны директора НИИ экономики сельского хозяйства, и ему, скорее всего, придется уходить из этого института. Мы обсудили и многие общие экономические и политические вопросы и выявили практическую идентичность наших позиций по отношению к власти и ее экономической политике. В этих беседах он показал себя очень квалифицированным и честным человеком и вызвал у меня большую симпатию. Мне захотелось помочь ему найти более достойную для него работу. При всем моем критическом отношении к Институту экономики СО РАН я понимал его значительное превосходство по сравнению с НИИ экономики СО РАСХН. Я решил поговорить с моим бывшим студентом, а к этому времени уже заместителем директора Института экономики СО РАН Виктором Ивановичем Сусловым. Я дал Фомину самую высокую оценку, и вскоре он был принят на ту же должность в Институт экономики СО РАН.

Вернусь к моим научным публикациям. Очень важной я считаю статью о теории рывка в России. Она появилась в результате моих занятий российской экономической историей. Я изложил в ней возникшее у меня понимание движения России рывками применительно к современной России. Необходимо было показать способы совершения экономического рывка в современной России. Мне было ясно, что требуется радикальная модернизация экономики. Где найти для нее средства?

На примере реформ Петра I и сталинской индустриализации я показал, что в России успешный выход из экономической отсталости происходил только в результате мобилизации экономики, сопровождавшейся огромными жертвами населения. В этой связи я анализировал последствия экономических реформ после отмены крепостного права и отметил, что вопреки широко распространенному мнению они не привели к сокращению отставания от Запада. Предвоенный экономический подъем носил преимущественно конъюнктурный характер, связанный с ростом мировых цен на зерно (как это напоминает подъем в РФ в 2000-е гг.). Также на основе своей статьи 1989 г. я показал тупиковость нэпа.

Я показывал, что в начале 2000-х гг. российская экономика с точки зрения своего экономического отставания оказалась на уровне конца XVII века и конца нэпа. Весьма скептически оценил подъем в экономике в 1999–2004 гг., находя в нем общие черты с периодом нэпа. Тот подъем экономики, который Россия переживает последние 5 лет, носит восстановительный характер, как и подъем периода нэпа. Как только будет достигнут максимально возможный уровень использования имеющихся ресурсов, этот рост прекратится. К тому же он в значительной степени опирается на высокие цены на нефть, которые не могут удерживаться бесконечно на этом необычно высоком уровне (до 1960 г., когда цены на нефть определялись преимущественно на рыночной основе, средняя цена не превышала, по моим расчетам, 10 долларов за баррель в современных ценах) [10, с. 113]. Легко видеть, что мой прогноз полностью подтвердился и в части прекращения экономического роста

уже в 2008 г., и в части падения мировых цен на нефть в 2015 г.

Из проведенного обзора многочисленных попыток преодоления экономической отсталости в России я делал вывод: «Общий вывод из сказанного печален: задачу преодоления экономической отсталости в России успешно решали авторитарные режимы, а более демократические утрачивали достигнутые ранее позиции» [Там же, с. 112].

Вместе с тем я показал малую реалистичность планов ряда современных экономистов, публицистов и историков (экономисты Сергей Глазьев и Александр Прохоров, публицист Максим Калашников, историки Александр Уткин, С. Валянский и Д. Калюжный) механически повторить петровский и сталинский рывки в современной России из-за слабого учета ими состояния физического и человеческого капитала.

В этой связи я показывал усложнение современной экономики по сравнению со сталинским периодом и ограниченные возможности авторитарной модернизации, всегда завершавшейся после первоначального рывка застоем. Писал и об отсутствии в современной России государственных деятелей масштаба Петра I и Сталина. Вместе с тем я считал, что «отдельные элементы этого опыта, по-видимому, почти неизбежно придется повторить» [Там же, с. 117]. В этой связи я обращался к финансовым источникам экономического рывка. Отвергая возможность финансировать ее, как при Петре I и Сталине за счет бедных, я предлагал финансировать за счет «небольшого слоя граждан, которые накопили огромные богатства в стране и за рубежом и имеют огромные текущие доходы в результате бездумного раздаривания государственной собственности и общего беспорядка в стра-

не в 90-е годы» [10, с. 117]. Также я отвергал возможность долгого экономического отставания России без риска для ее политической независимости и территориальной целостности в силу значительного ее места в мире по территории и природным ресурсам, что привлекает и к территории, и к ресурсам интерес других государств [Там же, с. 119].

Статья не привлекла внимания (как и другие мои статьи 2000-х гг.). Я это объясняю прежде всего общим упадком экономической науки в России в этот период. Подавляющее большинство российских экономистов оказались чудовищно безграмотными в истории, включая и экономическую историю. Широкие исторические сопоставления были им не под силу и не входили в круг их научных интересов. Мой интерес к мобилизационной экономике для либералов был как красная тряпка для быка. У многих вообще не было желания заниматься экономическими дискуссиями общэкономического плана; были гораздо более важные дела: гранты, заказы, преподавание. К тому же и журнал ЭКО, в котором преимущественно были напечатаны мои работы, был уже далеко не столь популярен, как в 70–80-е и даже в 90-е годы. Особенно меня огорчало молчание моих бывших студентов из Института экономики СО РАН. Они меня хорошо знали и журнал ЭКО определенно читали.

Вопрос о перераспределении доходов в интересах модернизации экономики снова привлек мое внимание в том же 2004 г. Дело в том, что журнал «Эксперт» в том году (№ 19) опубликовал результаты интереснейшего социологического исследования о распределении доходов в РФ. На основе обработки данных анкеты он установил удельный вес лиц с различными до-

ходами (они были даны в виде интервала) по 11 доходным группам. Были указаны и средние доходы, и доля отдельных доходных групп по численности в общей численности (кроме самых богатых). Я решил, что анонимная анкета должна дать более достоверные результаты, чем данные Росстата, которые ряд авторитетных экономистов давно упрекали в преуменьшении размеров дифференциации доходов в России. Я провел большую работу для перехода от относительных данных к абсолютным, для выявления доли самых богатых и определения доли отдельных групп в общих доходах населения (их я взял из данных Росстата). Полученный децильный коэффициент оказался чуть ли не в два раза больше, чем у Росстата: вместо 16 : 1 он получился 26 : 1.

После этого я заново пересчитал возможные размеры перераспределения доходов по каждой группе, с тем чтобы в результате выйти на требуемый размер высвобождения ресурсов. Здесь пришлось провести несколько вариантов расчетов, пока не был получен намеченный результат. Доходы высшей по доходам группы были сокращены в 6 раз, двух последующих в 2,5 раза, трех следующих на 30 %, доходы некоторых остались неизменными и доходы последней группы повышены. Высвобождение средств оказалось значительно больше, чем по расчетам статьи 2002 г. о дифференциации доходов населения. Указанные выводы я изложил в статье, опубликованной в журнале ЭКО [4]. Эта статья являлась в большой степени итоговой для моих (и моих коллег) исследований состояния российской экономики в посткризисный период. В ней впервые отразились и наши совместные с Д.А. Фоминым исследования по сельскому хозяйству и торговле. Сохраняя многие ранее полученные результаты,

я в ней использовал и новые приемы экономического анализа.

Расчет динамики ВВП был произведен отдельно по товарам и услугам с особыми методами для каждой сферы. Особенно подробным был расчет по сфере товаров: он был произведен тремя методами с использованием наших предыдущих расчетов по промышленности и сельскому хозяйству. Была также исчислена динамика производительности труда. Оказалось, что за этот период ВВП заметно вырос, но намного ниже, чем по оценке Росстата. Рост произошел преимущественно за счет роста производительности труда и улучшения использования основных фондов. Я предостерегал против эйфории от достигнутых успехов, так как они происходили из временных факторов: резервов восстановительного периода и высоких цен на нефть. Вместе с тем признавалось определенное улучшение эффективности российского предпринимательства. На этой основе был высказан, вопреки преобладавшей тогда эйфории (один академик РАН считал возможным ежегодный рост ВВП на 12 %), мрачный прогноз дальнейшей динамики экономики. «В лучшем и маловероятном случае инерционный вариант может не допустить сокращения ВВП в ближайшие 10–15 лет. Более вероятно его сокращение на 20–30 % в связи с таким же сокращением основных фондов» [Там же, с. 96]. В начале 2016 г. можно подвести оценку этому прогнозу: стагнация по сравнению с 2004 г. уже произошла, и сокращение ВВП к 2020 г. более чем вероятно.

Перейду к нашим совместным с Фоминным статьям этого периода. Они касались непромышленных отраслей (по промышленности я писал совместно с Полосовой и Иванченко). Первая касалась сельско-

го хозяйства. В ней давалась альтернативная оценка стоимости основных фондов и рентабельности [2]. Она ожидаемо показала большую заниженность стоимости основных фондов и огромную убыточность сельского хозяйства. Следующая наша работа по этой отрасли касалась динамики продукции сельского хозяйства за 1990–2003 гг. [5]. В ней были как сильные, так и слабые стороны. Сильной стороной было использование балансового метода для расчета объема продукции сельского хозяйства в натуральном выражении (идея здесь целиком принадлежала Фомину). Благодаря этому удалось определить значительное увеличение производства молока в 2002 г. Менее точной оказалась оценка производства зерна. Здесь мы не обратили внимание на значительную заниженность официальных данных о производстве хлеба и хлебобулочных изделий в постсоветский период из-за неучета их теневого производства. И совсем неудачной оказалась идея использовать для оценки динамики потребления в сельском хозяйстве горюче-смазочных материалов и электроэнергии. Здесь мы не учли огромное влияние на их потребление изменения структуры сельскохозяйственного производства в пользу мелкого маломеханизированного хозяйства. Оценка сельского хозяйства была для нас первой совместной пробой пера.

Но подлинной удачей явилась переоценка стоимости материальных фондов и рентабельности в торговле и общественном питании [3, 6, 8]. Здесь мы столкнулись с огромными трудностями. Они были связаны с отсутствием сколько-нибудь надежной информации о капиталоемкости этих предприятий, размере материальных оборотных фондов и их финансовом положении. В преодолении этих трудностей ве-

душую роль сыграл Фомин. Я восхищался его интеллектуальным уровнем и трудолюбием. Хотя общие идеи пересчета мы обсуждали сообща, некоторые конкретные идеи были его, как и колоссальная работа по поиску информации и расчетам. При этом очень широко использовались сведения, появляющиеся в периодической печати, особенно в газете «Ведомости», о работе конкретных торговых предприятий и предприятий общественного питания. Особенно большие трудности нам встретились в расчетах по оптовой торговле, которая в статистическом отношении оказалась подлинной *terra incognita*.

В процессе работы пришлось уточнять размеры объема продукции этих отраслей и полученной прибыли с учетом теневого сектора и скрытых доходов. Фактический объем продукции и объем прибыли оказались намного больше официальных (по прибыли – во много раз). Покажу это на примере общественного питания за 2001 г. Оборот общественного питания оказался в 2,6 раза выше официальной оценки, прибыль до уплаты налогов была выше в 21,2 раза, а после уплаты налогов – в 45,2 раза. Стоимость основного капитала оказалась больше в 5,9 раза, оборотного капитала в 2,6 раза, рентабельность активов вместо 2,8 % оказалась равной 23,9 %, а рентабельность оборота вместо 2,4 % – 41,4 % [9, с. 97, 98]. Очевидная с точки зрения здравого смысла картина особой прибыльности данного сектора (только этим можно было объяснить бурный рост числа предприятий в нем) получила, наконец, статистическое подтверждение. При этом мы настаивали не на абсолютной точности наших оценок, а лишь на значительно большей достоверности.

В статье давалось объяснение парадоксальному расцвету отрасли при значитель-

ном снижении доходов населения: произошел ее переход от обслуживания массового потребителя к обслуживанию наиболее состоятельных слоев населения, что позволило значительно поднять цены на услуги [9, с. 103]. В статьях о торговле давался и другой вывод: об огромной недооценке возможностей повышения сбора налогов с этой отрасли вместо их взимания с производства товаров.

В связи с подготовкой статьи об общественном питании мне пришла в голову счастливая мысль: проверить ее выводы, предложив их оценить реальным предпринимателям. Я обратился к знакомому и уважаемому мною директору ресторана Дома ученых в Академгородке. Она внимательно прочитала первый вариант статьи и, одоблив основное содержание, заметила, что мы всё же переоценили рентабельность общественного питания. Мы еще раз перечитали статью и нашли в ней некоторые неточности, которые могли привести к этому результату. Я чрезвычайно благодарен директору ресторана Дома ученых за помощь (когда вышли мои избранные произведения, я подарил ей первый том). Впоследствии мы неоднократно консультировались с практическими работниками при подготовке наших статей.

В связи с выходом наших статей в журнале «Вопросы статистики» отмечу благородную позицию главного редактора журнала Натальи Васильевны Никулиной. Я ее никогда в глаза не видел, только разговаривал по телефону. Мне было ясно, что, учитывая негативную реакцию руководства Росстата даже на мою фамилию, публикация моих статей была сопряжена для нее с риском. Тем не менее она их приняла. Когда я ей как-то об этом сказал, она ответила: «Мы себя уважаем». Если бы так могли

ответить многие другие наши люди! К моему большому горю, в 2010 г. она умерла в относительно молодом возрасте, немногим более 50 лет. Я в связи с этим очень горевал.

Настоящим подвигом Н.В. Никулиной считаю публикацию ею моей большой статьи с уничтожающей критикой современной российской статистики [7]. В сущности, статья была обвинительным заключением в адрес Росстата, так как подвергала сомнению практически все аспекты его деятельности. Особое внимание, конечно, уделялось оценке стоимости и динамики основных фондов. Впервые делалась примерная оценка потерь интеллектуального потенциала: 60 %. Со ссылкой на министра природных ресурсов РФ говорилось о возможном сокращении ресурсов нефти и газа. На основании этих данных я писал: «Спросите у западного экономиста, что ожидает страну, у которой средний возраст оборудования более 20 лет, главные продукты экспорта исчезнут в ближайшие 10–15 лет и которая потеряла 60 % интеллектуального потенциала, и он наверняка скажет, что у этой страны нет никаких шансов, и чем раньше ее покинут умные граждане, тем они сделают лучше» [Там же, с. 58].

Когда в 2009 г., в разгар кризиса, выступая в СИБАГС перед преподавателями, я шокировал слушателей, назвав Россию при продолжении прежнего курса «конечной страной», я опирался на сложившееся задолго до этого убеждение. Возвращаясь к статистике, я писал: «Идти и дальше с ошибочными картами в дополнении к плохому кораблю малообученной команде и по совсем неясному маршруту движения означает посадить нашу экономику на такую мель, из которой ее уже невозможно будет вытащить» [Там же].

Важным и очень сложным этапом наших исследований по оценке стоимости основных фондов и рентабельности экономики явилась оценка их на железнодорожном транспорте [1]. Этим мы восполняли серьезный пробел в наших расчетах. И здесь роль Фомина была исключительна велика. Я настоял, чтобы его фамилия была на этот раз впереди моей.

Литература

1. Фомин Д.А., Ханин Г.И. Альтернативная оценка стоимости основных фондов железнодорожного транспорта // Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избранные труды: в 2 т. – Новосибирск: СибАГС, 2015. – Т. 1. – С. 120–144.
2. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Альтернативная оценка стоимости материальных фондов и рентабельности сельского хозяйства России в 2001 году // Вопросы статистики. – 2004. – № 2. – С. 11–20.
3. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Соотношение восстановительной и балансовой стоимостей основных фондов розничной торговли // Вопросы статистики. – 2004. – № 12. – С. 28–31.
4. Ханин Г.И. Состояние и перспективы российской экономики в начале XXI века // ЭКО. – 2005. – № 12. – С. 86–108.
5. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Динамика производства продукции сельского хозяйства в 1990–2003 годах: альтернативная оценка // Вопросы статистики. – 2005. – № 10. – С. 9–18.
6. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Цена торговли // ЭКО. – 2005. – № 6. – С. 19–44.
7. Ханин Г.И. За верную цифру: макроэкономическая статистика России, хозяйственная жизнь и экономическая политика // Вопросы статистики. – 2005. – № 3. – С. 51–70.
8. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Общественное питание в современной России: характеристика, рентабельность, динамика // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 3. – С. 66–87.
9. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Общественное питание в современной России // Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива

и перспектива: избранные труды: в 2 т. – Новосибирск: СибАГС, 2015. – Т. 1. – С. 76–103.

10. Ханин Г.И. Технология экономического рывка в России // Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избранные труды: в 2 т. – Новосибирск:

СибАГС, 2015. – Т. 1. – С. 104–119. – Впервые статья была опубликована в журнале ЭКО. 2004. № 10.

11. Ханин Г.И. В первые послекризисные годы (1998–2001) // Идеи и идеалы. – 2016. – № 2, т. 1. – С. 152–166.

THE YEARS OF POLITICAL AND ECONOMIC STABILIZATION AND THE BEGINNING OF A NEW CRISIS (2002–2015)

G.I. Khanin

Siberian Institute of Management – branch
Russian Academy of National Economy
and State Service under the President
of the Russian Federation,
Novosibirsk, Russian Federation

khaning@yandex.ru

The article is devoted to the author's teaching and research activities in 2002–2015. The author was teaching simultaneously at Novosibirsk State Technical University (NSTU) and the Siberian Academy for Public Administration (SAPA, now – the Siberian Institute of Management – the branch of RANEPА). The most effective teaching took place at NSTU, due to better preparation and motivation of students. Unfortunately, the most gifted students didn't actualize themselves in science because of low prestige of science in Russia. It was less interesting for him to teach at SAPA because students and postgraduates were less interested and less prepared. At that time he started reading a new course "National Economy". Developing the course helped him understand better the basic features of economic development of Russia, at least since the 18th century: economy development went by jerks. He found the explanation of the Russian historical process and it stimulated his research activities. He focused his scientific work on "The Economic History of Russia in Modern Times." In the given article the author reveals the problems, which appeared while writing the first volume as well as the problems of the Soviet economic system since the early 60's until the collapse of the Soviet system in the early 90s. The author stresses the fact of his acquaintance and subsequent cooperation with the economist Dmitry Aleksandrovich Fomin. Many articles based on precise calculations were written with him. On the basis of these studies, he concluded that the recovery growth of the Russian economy would prolong to 2007, the process similar to the NEP. He also predicted that such a growth should result in stagnation and decline in GDP with the exhaustion of available resources and the absence of real modernization and the lack of human capital. The forecast of the author came true in many respects: the cessation of economic growth in 2008, and the world oil prices in 2015.

Keywords: Novosibirsk State Technical University, Siberian Academy for Public Administration, "The Economic History of Russia in Modern Times.", D. A. Fomin, valuation of fixed assets, an economic breakthrough.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.1-147-161

References

1. Fomin D.A. Khanin G.I. Al'ternativnaya otsenka stoimosti osnovnykh fondov zheleznodorozhnogo transporta [Alternative valuation of fixed assets of railway transport]. Khanin G.I. *Ekonomika i obshchestvo Rossii: retrospektiva i perspektiva: izbrannye trudy: v 2 t.* [Economy and society in Russia: retrospect and prospect: selected works: in 2 vol.]. Novosibirsk, SibAGS Publ., 2015, vol. 1, pp. 120–144.
2. Khanin G.I. Fomin D.A. Al'ternativnaya otsenka stoimosti material'nykh fondov i rentabel'nosti sel'skogo khozyaistva Rossii v 2001 godu [Alternative valuation of tangible assets and profitability of agriculture in Russia in 2001]. *Voprosy statistiki – Statistical Studies*, 2004, no. 2, pp. 11–20.
3. Khanin G.I. Fomin D.A. Sootnoshenie vossstanovitel'noi i balansovoi stoimosti osnovnykh fondov roznichnoi trgovli [The ratio of reducing and balance sheet values of fixed assets retail]. *Voprosy statistiki – Statistical Studies*, 2004, no. 12, pp. 28–31.
4. Khanin G.I. Sostoyanie i perspektivy rossiiskoi ekonomiki v nachale XXI veka [Status and prospects of the Russian economy in early XXI century]. *EKO – ECO*, 2005, no. 12, pp. 86–108.
5. Khanin G.I. Fomin D.A. Dinamika proizvodstva produktsii sel'skogo khozyaistva v 1990–2003 godakh: al'ternativnaya otsenka [Dynamics of production of agriculture 1990–2003: alternative assessment]. *Voprosy statistiki – Statistical Studies*, 2005, no. 10, pp. 9–18.
6. Khanin G.I. Fomin D.A. Tsena trgovli [Price trade]. *EKO – ECO*, 2005, no. 6, pp. 19–44.
7. Khanin G.I. Za vernuyu tsifru: makroekonomicheskaya statistika Rossii, khozyaistvennaya zhizn' i ekonomicheskaya politika [For the right figure: the macroeconomic statistics of Russia, the economic life and economic policy]. *Voprosy statistiki – Statistical Studies*, 2005, no. 3, pp. 51–70.
8. Khanin G.I. Fomin D.A. Obshchestvennoe pitanie v sovremennoi Rossii: kharakteristika, rentabel'nost', dinamika [Russia's public catering: characteristics, profitability, and dynamics]. *Problemy prognozirovaniya – Studies on Russian Economic Development*, 2008, no. 3, pp. 66–87. (In Russian)
9. Khanin G.I., Fomin D.A. Obshchestvennoe pitanie v sovremennoi Rossii [Russia's public catering]. Khanin G.I. *Ekonomika i obshchestvo Rossii: retrospektiva i perspektiva: izbrannye trudy: v 2 t.* [Economy and society in Russia: retrospect and prospect: selected works: in 2 vol.]. Novosibirsk, SibAGS Publ., 2015, vol. 1, pp. 76–103.
10. Khanin G.I. Tekhnologiya ekonomicheskogo ryvka v Rossii [Technology of economic leap in Russia]. Khanin G.I. *Ekonomika i obshchestvo Rossii: retrospektiva i perspektiva: izbrannye trudy: v 2 t.* [Economy and society in Russia: retrospect and prospect: selected works: in 2 vol.]. Novosibirsk, SibAGS Publ., 2015, vol. 1, pp. 104–119.
11. Khanin G.I. V pervye poslekrizisnye gody (1998–2001) [The first post-crisis years (1998–2001)]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2016, no. 2, vol. 1, pp. 152–166.